

ГУМАНИТАРНО-НАУЧНЫЙ, ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЙ
И ПСЕВДОНАУЧНЫЙ ДИСКУРС

А.И. Изотов

УДК 81'42

ГУМАНИТАРНО-НАУЧНЫЙ, ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЙ
И ПСЕВДОНАУЧНЫЙ ДИСКУРС

А.И. Изотов

Кафедра славянской филологии

Филологический факультет

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова

Ленинские горы, ГСП-1, 1-й корпус гум. ф-в, Москва, Россия, 119991

В статье рассматривается феномен современного гуманитарно-научного дискурса в его отношении к дискурсу естественно-научному и дискурсу псевдонаучному. Филологический дискурс может быть и естественно-научным, и гуманитарно-научным, в зависимости от того, какой именно аспект языка/литературы изучается. Игнорирование особенностей гуманитарно-научного дискурса в условиях развивающегося Интернета приводит к расцвету псевдонаучного дискурса в многочисленных сетевых и/или книжных изданиях

Ключевые слова: *гуманитарный дискурс, естественно-научный дискурс, псевдонаучный дискурс, филология, лингвистика, история, мифология, мифологизация*

Обратной стороной развития интернет-технологий в последние десятилетия стало, в частности, дальнейшее утверждение в массовом сознании иллюзии доступности гуманитарного знания.

Эта иллюзия существовала и раньше, ведь даже в названиях исторических или филологических исследований (в отличие, скажем, от исследований физико-математических), как правило, отсутствуют непонятные массовому читателю слова и термины (а если и присутствуют, то рассматриваются как заумь и манерничанье). Никому не придет в голову, что он может сказать новое слово в сфере транспортировки заряженной плазмы в малогабаритных электронно-лучевых генераторах для вневакуумных приложений или в сфере методов интегрируемых систем в теории представлений, не будучи профессионалом в соответствующей области, а вот Лермонтов, Новгород и русское духовное самосознание не испугают никого (ср., например, формулировки названий докторских диссертаций [23], [16], [24], [8], защита которых объявлялась на сайте ВАК на март 2010 года).

Даже научно-популярные, то есть рассчитанные на массового читателя, а не на профессионала, издания Стивена Хокинга [28] и Роджера Пенроуза [19] предполагают некоторые исходные познания в области физики и математики. Наверное, именно поэтому в книжном магазине «Молодая гвардия» на Полянке «Новый ум короля» Р. Пенроуза одиноко стоит среди «серьезных» учебников по физике на втором этаже, тогда как от популяризаторов истории ломятся полки на этаже первом.

Однако если раньше популяризаторскую книгу по истории надо было купить или одолжить (у приятеля или в библиотеке), то теперь достаточно подключиться к Интернету. Кроме того, раньше графоману надо было найти издателя, готового напечатать его опус (или же самому скопить на такое издание деньги), да вдобавок еще преодолеть цензуру, которая бывает не только политической, но еще и профессиональной (предварительное рецензирование). Теперь же он может без проблем вывесить плоды своего вдохновения в Сети, что запускает цепную реакцию: нелепость, будучи многократно повторенной, становится частью мифа - псевдознания. (Под мифом мы, вслед за Платоном, понимаем вымысел, воспринимаемый обществом

как истина [20]). Механизмы подобного мифологизирования, равно как и средства манипулирования читательским восприятием, детально описаны, например, в [2].

Конечно же, в Интернете можно обнаружить отсканированную (с санкции правообладателя, но чаще пиратскую) копию серьезного исследования, однако работы типа «Индоевропейского языка и индоевропейцев» Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова [7] тонут среди крестоносцев Батыев и графов Гомеров. У последних нет проблем со сканированием (FineReader с разгона распознает русский текст с редкими вкраплениями латиницы), да и сочиняются такие произведения не в пример быстрее, так как их авторам не нужно, как это делают специалисты по сравнительно-историческому языкознанию, опираясь на регулярные фонологические соответствия между языками, доказывать, например, что слова «голубь», «тесто» или «борозда» были заимствованы в славянские (и балтийские) языки из какого-то древнего не оставившего после себя ни письменных источников, ни живых потомков индоевропейского языка, а не были просто унаследованы общеславянским языком из праязыка индоевропейского, ср. [4, с. 80-81]. Достаточно объявить, как это делают С.И. Валянский и Д.В. Калюжный, что имя «Батый» происходит от русского слова «батя», то есть «отец», а «Золотая Орда» - это имеющий резиденцию в Праге «Орден крестоносцев Красной Звезды», потому что «по золотому кресту, который носили благочинные, и получили эти крестоносцы на Руси название Золотого Ордена (*Ордо* по латыни, орда в старорусском произношении)» [6].

Весьма показательными в этом плане представляются тексты известного отечественного фантаста А.А. Бушкова, который в последнее время позиционирует себя также и в качестве историка: в уже упоминавшемся книжном магазине «Молодая гвардия» у него есть персональная полка («А. Бушков») не только в разделе «Фантастика», но и в разделе «История».

По признанию самого А.А. Бушкова в одном из его многочисленных интервью, он, готовясь к написанию очередной книги по истории, месяца три роется в Интернете, собирает материал по заданной теме, а затем быстро пишет текст.

О том, что в результате получается, можно судить, например, по фрагменту «О Константине и Мефодии» его труда «Россия, которой не было. Славянская книга проклятий» [5]. Подробный данного фрагмента содержится в [12], мы же остановимся на причинах появления и чрезвычайной популярности подобных текстов.

По нашему мнению, в данном случае можно готовить как об объективных причинах, обусловленных различиями между естественно-научным и гуманитарно-научным дискурсом, так и о причинах субъективных. Под дискурсом мы понимаем сложную систему иерархии знаний, учитывающую языковую личность адресата, а также ряд экстралингвистических факторов (цели адресата, его мнения, знания о мире и др.), ср., например, [14], [17], [22].

По свидетельству ученика А.Н. Колмогорова чл.-корр. РАН А.Н. Ширяева (круглый стол на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова весной 2009 года, посвященный филологическим интересам А.Н. Колмогорова), академик как-то мимоходом заметил, что математик имеет дело с **доказательствами**, а у историка доказательств нет и быть не может, а могут быть только **подтверждения** его гипотезы.

Мы полагаем, что в этих словах крупнейшего отечественного ученого двадцатого столетия отмечено принципиальное различие между естественно-научным и гуманитарно-научным дискурсом. Речь идет не о традиционном делении научных дисциплин на гуманитарные (имеющие дело с человеком), естественные (имеющие дело со всем остальным окружающим миром) и точные (имеющие дело исключительно с самими собой – математика), а об уникальности/неуникальности объекта исследования. На наш взгляд, лингвистический (или литературоведческий) научный

дискурс может быть и естественно-научным, и гуманитарно-научным, в зависимости от того, какой аспект языка / литературы изучается. Если нас интересуют **неуникальные** явления (представленные в одном или нескольких языках суффиксы, приставки, синтаксические конструкции; литературные жанры и т.д.), речь должна идти о прежде всего о естественно-научном подходе, если же объект исследования **уникален** (история конкретного языка / конкретной литературы) – прежде всего о гуманитарно-научном. Возможна, естественно, и комбинация естественно-научного и гуманитарно-научного подходов, ср., например, [10], [11].

Физик имеет дело в основном с неуникальными, повторяемыми объектами исследования. Если у одних атомов урана 235 установлены некие физические свойства, отличающие их от атомов урана 238, то это отличие будет действовать **для всех существующих в природе** атомов урана 235 и атомов урана 238, потому что все атомы одного изотопа **идентичны**. Поэтому физику не нужно вновь и вновь измерять то, что уже было однажды надежно измерено, а математику – доказывать то, что уже было когда-то доказано (разве что на занятиях со студентами в дидактических целях). Ну а уж если кто засомневается, что железо плавится при более высокой температуре, чем стеарин, можно провести эксперимент со спичками, стеариновой свечкой и гвоздями.

Историк же занимается тем, что уже произошло и никогда больше не повторится («нельзя дважды войти в одну реку»). Мы не можем провести эксперимент и доказать истинность или ложность утверждения, что татаро-монголы, разбив в Силезии объединенное войско Великой и Малой Польши, Тевтонского ордена, Тамплиеров, Госпитальеров, а также добровольцев со всей Центральной Европы, опустошив Моравию, Словакию, Венгрию, Хорватию и дойдя в 1242 году до берегов Адриатики, прервали свое движение на Запад, потому что возглавлявшему поход Батью в связи с неожиданной смертью преемника Чингизхана Угэдэя надо было торопиться в Карокорум на выборы нового кагана, а не потому, что монгольская конница была якобы бессильна против неприступных замков Центральной Европы (как принято объяснять чешским школьникам) или же потому, что монгольское войско было обескровлено героическим сопротивлением русских княжеств (как учили в школе автора настоящих строк). В своей опубликованной уже посмертно книге *The Idea of History* (1946), русский перевод которой вышел в серии «Памятники исторической мысли», Робин Джордж Коллингвуд настаивал, что ученый должен подходить к историческим материалам так же, как хороший следователь подходит к свидетельским показаниям – слушает всех, однако безоговорочно не верит никому (кто-то может ввести в заблуждение по злему умыслу, кто-то по забывчивости, кто-то по незнанию).

Историк, как и следователь, может изменить свое прежнее мнение, однако только тогда, когда свидетельства в пользу новой версии перевешивают свидетельства в пользу версии предыдущей. Для того, чтобы авторитетно утверждать, что царь Иоанн Васильевич Грозный был не маньяк-убийца на троне, а гуманист, за полвека формального правления которого (1533-1584) было казнено всего около трех тысяч человек (для средних веков число весьма умеренное, учитывая, например, что в либеральной Англии лишь в 1823 году была отменена смертная казнь за более чем сто видов нетяжких преступлений типа карманного воровства (см. [1, с. 243; 289]), явно недостаточно чьего-то сообщения о том, что в те времена на Руси казнить имел право только царь, причем всех казненных царь вносил в поминальный список. Нужны еще убедительные свидетельства в пользу того, что число казненных и убитых «незаконно» в разы (в десятки раз, в сотни раз...) не превышало число казненных «законно» (с занесением в этот самый список).

Физик оперирует доказанными фактами, а историк – данными, истинность/ложность которых установлена с большей/меньшей степенью вероятности,

поэтому физику нет нужды по ходу изложения постоянно ссылаться на источники этих доказанных фактов (эти факты есть в любом справочнике), а вот историку надо ссылаться на **все** свидетельства, на основании которых он сделал тот или иной (а тем более отличный от традиционного) вывод, чтобы любой его коллега имел возможность самостоятельно оценить корректность сделанного заключения, а в случае необходимости продолжить исследования, добавив к привлеченным свидетельствам собственные. Это важно и потому, что серьезный исследователь учитывает не только количество свидетельств в пользу той или иной версии, но и их качество (информация, почерпнутая из рецензированного научного журнала, «весит» больше, чем взятая из «народной» Википедии, и тем более больше, чем полуанонимная заметка в Сети, которая может быть и мистификацией профессионала, и «письмом к ученому соседу» пытливого и полного энтузиазма любителя.

Человек с естественно-научным складом мышления, который привык, что в теоретическом построении нет ни одной лишней детали (как в изящном карточном домике), убежден, что и в исторической науке появление дисгармонирующего с существующей традицией факта дискредитирует всю эту традицию (стоит вытащить одну единственную карту из нижнего ряда, и карточный домик рухнет). Однако речь идет не о карточном домике, а о муравейнике – десятках и сотнях тысяч элементов, весьма причудливо связанных между собой. Убрав лопату земли из основания, мы обрушим не весь муравейник, а лишь его участок.

Развивая метафору с карточным домиком и муравейником, отметим, что при построении первого из них никак не обойтись без необычайной ловкости рук, при построении же второго – без того, что немцы называют *das Sitzfleisch*, а также огромного количества строительного материала, собираемого десятилетиями. Это, конечно же, отнюдь не значит, что умелые руки (читай: «аналитические способности») не нужны строителю муравейника, однако легко объясняет численный перевес молодых «физиков» над молодыми «лириками» в первом зале «Ленинки» в советское время (когда туда пускали только профессоров и докторов наук).

К сожалению, нередко игнорируется то достаточно самоочевидное положение, что за пределами имеющих дело исключительно с самими собой математических наук любая, пусть даже предельно изящная теория (а тем более теория «гуманитарного» характера) не может быть просто изложенной, она должна **подтверждаться фактическим материалом**, при этом «естественно-научному эксперименту соответствует в историко-гуманитарных науках критика источников» [27, с. 42]. Например, в самом начале в целом интересной монографии вскользь упоминается, причем упоминается не в качестве гипотезы, а в качестве объективного знания, полученного когда-то в студенческой аудитории, что «чудо может совершить только чужой, то есть наделенный магической силой пришелец из мира мертвых» и что это понимание гораздо важнее объяснения, что «*чудо* и *чужой* – однокоренные слова, возникшие в результате действия определенных фонетических законов». Но *чудо* и *чужой* **не** однокоренные слова! В слове *чудо* восстанавливается праславянский корень **keud-*, а в слове *чужой* – корень **teudj-*, так что эти слова **могут выглядеть** как однокоренные **только** в восточнославянских языках (во всех остальных диалектах праславянского языка, то есть в диалектах, легших в основу южнославянских и западнославянских языков «в результате действия определенных фонетических законов» рефлексy **kj* < **k[eu]* и **tj* < *t[eu]* **не совпали**). *Чудеса* творит не *чужой*, а *кудесник*, у которого восстанавливается праславянский корень **koud-*, так что мы имеем чередование **keud-/*koud-*, обусловленное еще праиндоевропейским чередованием *e–o*. Что же касается *чужого* (**teudj-* > **tjudj-*), то это вполне может быть заимствованием в праславянский язык самоназвания народа, с которым славяне с

незапамятных времен контактировали и представителей которого считали, в отличие от себя, славян (**славяне** – обладающие даром **слова**), безъязыкими, **немыми**, ср. средневековое Terra theodisca = Terra germanica и средневерхненемецкое tiu[t]sch > совр. Deutsche). Во всяком случае, такое предположение (*чужой – немец*), в отличие от предыдущего (*чужой – тот, кто творит чудеса*), не противоречит закономерностям сравнительно-исторической фонетики славянских языков, а тем самым имеет больше прав на существование, см. в той же монографии [13].

Говоря о субъективных причинах, следует отметить нашу небрежность, когда в собственных текстах, предназначенных широкой аудитории, мы допускаем непростительные ляпы или же то, что может выглядеть как таковые в глазах критически настроенного читателя.

Например, в замечательном во многих отношениях учебно-методическом пособии С.Г. Шулежковой [28] упомянутый на 31 странице «Людовик Нем.» характеризуется на странице 62 как «германский император, осуществлявший захватническую политику по отношению к Моравии». Как к данной фразе отнесется человек, помнящий со школьной скамьи, что «германская империя» и, соответственно, «германский император» появились лишь в XIX в результате объединения Германии Бисмарком? Конечно же, «германским императором» часто, хотя и не вполне терминологически правильно, называют императора «Священной Римской империи», которая в 1512 году получила довесок «[Священная Римская империя] германской нации», однако и она основана лишь в 962 году, то есть через 68 лет после смерти последнего князя Великой Моравии Святополка. Живший во времена Кирилла и Мефодия Людовик Немец (Ludwig der Deutsche) был королем Баварии (817-843), Лотарингии (870-876) и восточных франков (843-876), однако не смог добиться императорского титула ни для себя, ни для своего сына Карломана.

На той же 62 странице сообщается, что «Константин и Мефодий добились у папы римского признания старославянского (словенского) языка четвертым языком церкви». Однако, как совершенно верно отмечает Н.Б. Мечковская, речь отнюдь не идет об исключительности славянского языка или о его причислении к трем «святым» языкам (в отличие, например, от исландской традиции, в которой была выдвинута идея о «четвертом» – исландском языке, на котором допускается церковная книга) [18]. Пафос апологии Константина – именно в отрицании избранности каких-либо языков:

«Не идет ли дождь от Бога равно на всех, не сияет ли для всех солнце, не равно ли все мы вдыхаем воздух? Как же вы не стыдитесь лишь три языка признавать, а прочим всем народам и племенам велите быть слепыми и глухими?» [25, с. 89].

Достаточно обычное упоминание о православии «солунских братьев» (вполне корректное) без соответствующего комментария может вызвать возражение у того, кто, например, вместе с автором язвительной статьи о шпаргалках в газете «Глаголица» за март-май 2010 года – доцентом философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (!) – искренне полагает, что католическая церковь, «как известно, возникла после разделения христианства на две ветви в 1054 г.» [9, с. 8]. Действительно, не все обязаны знать, что термин καθολική ἑκκλησία употребляется уже в «Послании Смирнянам» Игнатия Богоносца († 20 декабря 107 г.). По решению Халкидонского собора (451 г.) христианские общины на бывших имперских территориях управлялись пятью формально независимыми друг от друга патриархами: римским (= папа римский), константинопольским, антиохийским, иерусалимским, александрийским. Управляемая этими пятью патриархами церковь (существовала даже теория «пяти чувств одного тела») была «соборной» (греч. καθολικός, заимствованное в латинский язык как catholicus, значит ‘всеобщий, всемирный, вселенский’), так как охватывала, с точки зрения средневекового европейца, весь мир (с точки зрения

античного и средневекового сознания Ойкумена кончается там, где кончается «своя» цивилизация; за пределами лежит первородных Хаос и дикари, которых надо или уничтожить, или цивилизовать). И эта же церковь называла себя «православной», так как противостояла тем христианским общинам (например, армянским или ассирийским), которые верили «неправильно» (᾽ορθός значит ‘прямой; правильный’, ср. орфография – ‘правописание’; δόξα – ‘мнение, представление, предположение’; греч. ἑκκλησία ὀρθοδόξα, заимствованное в латинский язык как ecclesia orthodoxa, буквально значит ‘имеющая правильную веру церковь’). После схизмы 1054 одни христиане предпочли продолжать называть свою Церковь «всемирной, всеобщей» («католической»), другие – «православной», см. [21].

Изначально вполне корректные данные, пропущенные через «испорченный телефон» популярных изданий, активно распространяемых через интернет, формируют мифологизированные образы, которые, с одной стороны, мешают взвешенному анализу проблематики, а с другой – способны спровоцировать общее неприятие традиции и коммерческий успех псевдонаучных публикаций (например, всевозможных «других историй»), к числу общих черт которых можно отнести следующие:

Подаваемая информация, в том числе информация полемическая, подается без ссылок на соответствующие научные или учебные издания, то есть предполагается абсолютная вера в слово автора. Такой способ подачи материала обычен для тех школьных учебников начального уровня, авторы которых полагают, что ученику, прежде чем учиться анализировать материал, надо набрать некий минимум этого материала – этот обычный для античности принцип (вспомним Академию Платона в античных Афинах, где в течение первых лет обучения ученики не имели права задавать вопросы и должны были лишь запоминать то, что им счел нужным сообщить учитель) господствовал в школьной традиции вплоть до XIX века, а нередко применяется и сегодня.

Такие тексты рассчитаны на читателя, ценящего знание (подается новая информация о мире), нонконформистски настроенного (эта подаваемая информация противоречит общепринятой), однако совершенно не знакомого ни с принципами построения гуманитарно-научного текста (иначе насторожил бы сам способ подачи материала), ни с предметом обсуждения, то есть на человека типа отечественного научно-технического интеллигента, знания которого об истории ограничены школьными уроками, а нередко еще и искажены чтением модных творений типа упоминаемых выше).

Подобные тексты не являются научными, потому что высказываемые в них тезисы, как правило, не подтверждаются конкретными ссылками на конкретный материал, текст не снабжен обязательным научным аппаратом.

Что же касается отличия подобных текстов от имеющих хождение текстов учебных, то это обилие содержащейся в них недостоверной информации, а также информации заведомо ложной (когда вместо некоего подтверждаемого материалом тезиса преподносится тезис альтернативный, никаким достоверным материалом не подтверждаемый). Большинство школьных учебников истории (как отечественных, так и зарубежных) были и остаются тенденциозными, однако в качественных учебниках эта тенденциозность маскируется и проявляется не в искажении надежно установленных наукой фактов, а в их интерпретации.

К сожалению, учитывая последовательно осуществляемую дегуманитаризацию общего образования, следует предполагать дальнейшее увеличение числа рассчитанных на массовую аудиторию текстов подобного характера.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Usborne History of Britain / R. Brocklehurst et al. – London: Usborne Publishing House, 2008.
- [2] Базылев, В.Н. Политика и лингвистика: «Великий и могучий...» // Политическая лингвистика. 2009. №29. С. 9-38.
- [3] Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. В русском переводе с параллельными местами. - М., 1968.
- [4] Бурлак, С.А.; Старостин, С.А. Сравнительно-историческое языкознание. – М.: Издательский центр «Академия», 2005..
- [5] Бушков, А. Россия, которой не было. Славянская книга проклятий. – М.: ЗАО ОЛМА Медиа Групп, 2009.
- [6] Валянский, С.И.; Калюжный Д.В. Другая истории Руси. От Европы до Монголии. - М., Вече: 2001.
- [7] Гамкрелидзе, Т.В., Иванов, Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Ч. I-II. – Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1984.
- [8] Горланов, Г. Е. Творчество М. Ю. Лермонтова в контексте русского духовного самосознания: Автореф. ... д-ра филол. наук. - М., 2010.
- [9] Ермакова А.В. Пишите, пишите шпаргалки!
<http://www.philol.msu.ru/data/newspaper/glagolitsa201002.pdf>
- [10] Изотов, А.И. Система причастных форм в современном чешском литературном языке в сопоставлении с русским (словообразование, семантика, функционирование): Автореф. дис. ... кандидата филологических наук. М., 1991.
- [11] Изотов, А.И. Функционально-семантическая категория императивности в современном чешском языке как прагмалингвистический феномен: Автореф. дис. ... доктора филологических наук. М., 2007.
- [12] Изотов, А.И. О псевдонаучном гуманитарном дискурсе // Язык, сознание, коммуникация. - М.: МАКС Пресс, 2009. Вып. 39. - С. 66-86.
- [13] Изотов, А.И. [рец. на кн.:] Стефанский Е.Е. Эмоциональные концепты как фрагмент мифологической и современной языковых картин мира (на материале концептов, обозначающих негативные эмоции в русской, польской и чешской лингвокультурах). Самара: Самарская гуманитарная академия, 2008 // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2010, №3. С. 207-217.
- [14] Караулов, Ю.Н., Петров, В.В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса [Вступительная статья] / ван Дейк, Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. - М.: Прогресс, 1989.
- [15] Коллингвуд, Р.Дж. Идея истории. Автобиография. – М.: Наука, 1980.
- [16] Лебедев, Д. Р. Методы интегрируемых систем в теории представлений: Автореф. ... д-ра физ.-мат. наук. - М., 2010.
- [17] Менджерицкая, Е.О. Термин «дискурс» и типология медиадискурса // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2006. №2. С. 50-55.
- [18] Мечковская, Н.Б. «Триязычная ересь» // Религия: Энциклопедия / Сост. и общ. ред. А.А. Грицанов, Г.В. Синило. – Минск: Книжный Дом, 2007.
- [19] Пенроуз, Р. Новый ум короля. О компьютерах, мышлении и законах физики. - М.: URSS, 2005.
- [20] Платон. Государство // Платон. Соч. в 3 тт. Т. 3. М., 1971.
- [21] Полный православный богословский энциклопедический словарь. В двух томах. - СПб.: Издательство П.П. Сойкина, 1992 [репринт издания 1900].

- [22] Просвиркина, И.И. Региональное языковое сознание как основа модели региональной языковой личности // Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. №11. С. 106-107.
- [23] Ризаханов, Р. Н. Транспортировка заряженной плазмы в малогабаритных электронно-лучевых генераторах для вневакуумных приложений: Автореф. ... д-ра физ.-мат. наук. - М., 2010.
- [24] Селин А. А. Новгородское общество начала XVII века: просопографическое исследование: Автореф. ... д-ра истор. наук. - СПб., 2010.
- [25] Сказания о начале славянской письменности. – М.: Наука, 1981.
- [26] Хайдеггер, М. Время и бытие: Статьи и выступления. - М.: Республика, 1993.
- [27] Хокинг, Ст. Мир в ореховой скорлупке. - М.: Амфора, 2008.
- [28] Шулежкова, С.Г. Старославянский язык, древнерусский язык и историческая грамматика русского языка: опыт сопоставительного изучения. - М.: Флинта; Наука, 2010.

MODERN LIBERAL ARTS DISCOURSE AND SCIENTIFIC DISCOURSE VS PSEUDOSCIENTIFIC DISCOURSE

A. I. Izotov

Department of Slavic Philology

Faculty of Philology

Lomonosov Moscow State University

Leninskie Gory, 1 Humanities Building, Moscow, 119192, Russia

Main differences between scientific and liberal arts discourse are considered. Philological discourse might be both scientific one and humanitarian one depending on the character of the object of analysis. The neglect of the liberal arts discourse peculiarities against the backdrop of the developing Internet technologies causes the uprise of numerous pseudoscientific popular editions

Key words: *sciences, liberal arts, philology, linguistics, history, linguistic typology, mythology, discourse, pseudoscientific*

Сведения об авторе:

Изотов Андрей Иванович, доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, <http://www.philol.msu.ru/~slavphil/staff/izotov.html>

e-mail: a.i.izotov@mail.ru

Изотов А.И. Гуманитарно-научный, естественно-научный и псевдонаучный дискурс // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2013, № 2. Проблемы современного образования. – С. 110-116.